

Виктор Точинов

Драконоборец

Твари, в воде живущие

Виктор Точинов

Драконоборец

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Драконоборец / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», — (Твари, в воде живущие)

Лукин посвятил всю свою жизнь поиску неизвестных науке обитателей водных глубин. Но дожив до седин, он так и не сумел увидеть ни одного из «Тех, Кто Живет в Глубине». И только оказавшись в таежных карельских лесах, бывалый исследователь смог, наконец, увидеть одну из тех тварей, которых он так долго искал. Правда, оказалось это существо совсем не таким, каким Лукин его представлял...

Содержание

I. Озеро: Смерть на закате	5
II. Озеро: Прикладные аспекты криптозоологии	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Точинов

Драконоборец

I. Озеро: Смерть на закате

1

Валера погиб на закате.

На таком же закате, когда нижний край багрового солнца только-только касался верхушек крохотных далеких елей... Погиб именно здесь, на затерянном в карельской тайге озере.

– Это где-то тут, надо поискать, следы должны остаться... – Пашка открыл дверцу и вылез из уазика. Лукин тоже поспешил наружу и внимательно посмотрел вокруг.

Место красивейшее, и самый роскошный вид открывался именно отсюда – с почти безлесого, увенчанного несколькими шишкинскими соснами холма, спускающегося к большому заливу. Залив отделяла от озера цепочка отмелей-луд (в двух-трех местах над водой выступали черные камни, а на вершину самой высокой луды нанесло земли, она превратилась в островок, зазеленела травой, выросло даже несколько невысоких березок). Безлюдье...

Лукин вдохнул полную грудь свежайшего воздуха и не стал задавать Пашке давно вертевшийся на языке вопрос: “Зачем Лариска с парнем в эту даль поперлись?” Ответ перед глазами: где же еще найдешь такое берущее за душу место...

Следы действительно обнаружились быстро и рядом, под росшими на отшибе от леса четырьмя соснами-великанами: отпечатки новеньких протекторов “Нивы”, кострище, ямки от колышков палатки. Чуть поодаль – следы других колес, надо думать, оставленные милицией.

– Здесь и остановимся, на том же месте, – сказал Пашка и взъерошил шевелюру характерным, совершенно не изменившимся за годы жестом. Только волосы стали седые... Пашка – и седой, надо же... У самого Лукина лишь начали сесть виски.

Они молча устанавливали выдавшую виды брезентовую палатку, молча вытаскивали из машины и раскладывали вещи – но разговор назревал, очень неприятный для Лукина разговор. Он начал его сам, когда они с Пашей, закончив с обустройством временного лагеря, вышли к озеру.

Место не просто красивое, оно кажется *мирным*, спокойным и безмятежным. Но именно сюда приехала со своим другом две недели назад Лариса, дочь Пашки. И отсюда вернулась домой – одна.

– Ты хочешь сказать, что именно здесь обитает неизвестная подводная тварь, опрокинувшая резиновую лодку и сожравшая этого парня, Валеру? – сказал Лукин, не глядя на Пашку – смотрел на озеро, вглядываясь в обманчиво-прозрачный подводный мир – казалось, сквозь хрустальную воду можно видеть очень далеко, но уже в паре метров от берега все тонуло в неясных полутенях, расплывалось и исчезало.

– Я не хочу ничего сказать, Игорь... – медленно, словно через силу, ответил Паша. – Я знаю одно: когда Лариска примчалась тогда ночью – она не врал. Она не дура, чтоб так глупо врать. Если даже допустить, хотя никогда и не поверю в такое... что ей пришлось... мало ли что бывает... полез пьяный... или случайность какая... непреднамеренно...

Он совсем сбился и замолчал. Лукин решил ему помочь:

– То есть, если Валера погиб так, что ее могли каким-то образом обвинить, ей нет резона сочинять дикую и нелепую историю о таинственном монстре? Так?

– Так. Она ведь здешняя, хоть и учится сейчас в городе. Училась... И тайгу знает, и какие случаи порой в ней бывают... нехорошие... Уж могла бы придумать чего-нибудь. Дескать, поплыл утром, пока она спала, в тумане на рыбалку – и не вернулся... Вот и все – ищите тело.

Труп так и не нашли. Что, впрочем, не удивительно – два аквалангиста прочесывали заливчик около трех часов, а непогода могла унести тело незадачливого Ларискиного кавалера за несколько дней куда угодно...

– Вот следовательно резон в таком вранье углядел, – продолжил Пашка. – У него все просто получается: убила, спрятала, и косит с глупой байкой под невменяемую. Сам-то Валерка парень был хороший, смотрел я на них и радовался, но вот папаша его... Короче, никто историю на тормозах не спустит... Хотя могли бы – нету тела, нет и дела, не слышал поговорку такую? Папаша в силе, будет давить на прокуратуру, те – на Ларису: признайся и покажи, где труп зарыла...

«А ты, милый друг, хочешь предъявить им убитого монстра, – с какой-то досадой за Пашку подумал Лукин, – хочешь, еще как хочешь... Желательно с какими-нибудь останками в желудке. И нечего отпираться – двустволку двенадцатого калибра, что ты с собой прихватил, еще как-то объяснить можно. Но шашки тротилловые зачем? На здешних озерах и удочкой со спиннингом за час нам на три дня рыбы наловить можно... Тебе легче уверить себя, что здесь действительно водится Лох-Несское чудище, чем признать, что родная дочь могла убить человека и съехать потом с катушек...»

– Что касается чудовищ... – продолжил Паша, внимательно посмотрев на Лукина. – По озерным чудушам ты, Игорь, у нас главный специалист: и в Якутию за ними ездил, и в Африку, и статьи писал в “Комсомолке”, и книжку сочинил, про это, как его... бембе...

– Мокеле-мбембе. “По следу мокеле-мбембе” книжка называлась, – машинально поправил Лукин, вглядываясь в озеро.

По дороге сюда он представлял его иначе, мрачной котловиной среди высоких, заросших лесом берегов, с постоянным комариным писком и с темной, загадочной водой.

Лукин бывал в подобных местах и знал, как давят они на психику, особенно если связана с озером какая-то местная легенда (а про мрачные места легенды складывают особенно охотно); знал, как легко принять шум от падения в воду дерева с подмытыми корнями или резкий взлет стаи уток за *нечто* таинственное и непонятное – тем более ночью, человеческие нервы и органы чувств по ночам всегда перенапряжены, это уже генетическое, со времен пещер и бродящих вокруг саблезубых хищников...

Но озеро, открытое и залитое солнцем, никаких мрачных мыслей не навевало, а значит наиболее вероятным становился другой вариант, довольно хреновый... Для Пашки хреновый.

Главный и самый неприятный вопрос он задал, когда они вернулись от берега к палатке:

– Скажи, Паша, а Лариса не увлекалась ничем таким... ну, таблетки всякие, галлюциногены? Если ты уверен, что не врала, могло ведь и действительно привидеться...

Последний раз Лукин видел Лариску озорной шестиклассницей, а теперь фактически спрашивал старого друга: не наркоманка ли его дочь, убившая дружка под кайфом? Очень не хотелось ему задавать такой вопрос...

Паша поморщился и долго молчал, массируя правую сторону груди и глядя на противоположный берег, где солнце почти исчезло в тайге. Ответил он со слегка напускным спокойствием:

– Не знаю, Игорь. Родители вообще много чего про взрослых детей не знают... Я ничего и никогда не замечал; мать, пока была жива, – тоже. Тесты делали... после рассказа ее – ничего не нашли. Но сам понимаешь, какие в нашей райбольнице тесты, разной гадости сейчас столько напридумывали...

«Вот так. По крайней мере открыто и честно. Вполне может быть, что завтра мы начнем поиски наркотического фантома по стандартному, отработанному во многих экспедициях

алгоритму: осмотр берегов на предмет следов, расспросы аборигенов, буде такие имеются, прочесывание дна эхолотом (непреренно засечем несколько подозрительных валунов и топляков). Как бы я хотел, Паша, чтобы мы чего-нибудь действительно нашли... Но именно потому, что я специалист и не раз имел дело с такими историями, знаю – шансов найти нужное тебе нет... Ни одного...»

Последние лучи окрасили воду в неприятно-красный цвет. И Лукин подумал – что-то мрачное в озере все же есть.

2

Утром никаких поисков не началось. Утром, лишь чуть развиднелось, была бешеная гонка обратно по лесным дорогам, и прыгающий в руках руль, и хрип-стон сквозь стиснутые зубы: “Держись, Пашка, держись...”

Он успел.

Успел и сам тому удивился, глянув на часы (потом, когда Пашку повезли куда-то вглубь больничного корпуса на каталке, торопливо отдавая на ходу указания) – глянул и удивился себе и старому уазику, прикинув, с какой скоростью промчался казавшуюся вчера бесконечной дорожку, при том еще и стараясь аккуратно объезжать всевозможные ямы и выбоины.

«Вот уж не знал, что я такой гонщик-экстремал... хоть сейчас на Кэмел-Трофи...»

На Кэмел-Трофи его приглашали – лет десять назад, когда пропаганда такого спорта у нас лишь начиналась, а звезда журналиста Игоря Лукина, неперенного участника всех экспедиций за таинственным и загадочным, была в зените...

– Вы родственник? – седеющий врач, на вид ровесник Лукина и Пашки, подошел неслышно, удивительно легкой поступью для высокого грузного тела.

– Друг, – ответил Лукин после секундной паузы, с тревожным ожиданием глядя на врача. – Старинный друг...

– Инфаркт у вашего друга, состояние тяжелое, но стабильное, – безрадостно и утомленно сообщил эскулап казенную формулировку, помолчал и спросил тем же бесцветным тоном:

– Пили вчера?

– По сто пятьдесят грамм, за встречу... Большого уже и не позволяем себе как-то, да и не хочется... Наверное, отмеренную на жизнь цистерну уже осушили...

– Не стоило и тех ста пятидесяти... Павел Иннокентьевич у нас уже побывал... вы не знали? Почти год назад, вскоре после смерти жены... тогда все предынфарктным обошлось... Теперь вот с дочерью проблемы... Беречь нам себя надо, мужики...

«Да... вот она, провинция... все, всё и про всех знают... Интересно, зачем я сюда приехал, тоже знают?»

– И что теперь будет?

– Ничего особенного, недельку полежит в реанимации, потом – на общее, тогда и посещения разрешим... Ну а затем, после выписки – реабилитационный период, месяца три-четыре... А у вас, кстати, как с сердечком? Цвет лица что-то не очень...

– У меня все нормально, – сухо сказал Лукин, поднимаясь. – До свидания вам не говорю, примета дурная...

3

Снова, в третий раз, он ехал той же дорогой.

Ехал не торопясь и впервые рассматривая все по сторонам – вчера слишком внимательно слушал Пашку, а во время сегодняшней гонки было вообще ни до чего. И понял, отчего на

озере так пустынно: дорога стала нынче проезжей явно случайно, впервые за много лет, по причине небывалой летней жары.

Пару заболоченных мест даже сейчас можно преодолеть исключительно на внедорожнике. Пропавший Валера, похоже, лихо управлялся со своей “Нивой”, а вот как на ней вернулась Лариска – загадка природы...

Засиживаться на озере, конечно, не стоит. Нет, Лукин не собирался сразу забрать палатку и брошенные впопыхах вещи, все обещанное Паше он сделает, пусть и заранее предвидя результат – но не стоит долго ловить черную кошку в комнате, где ее нет.

А Лариска... Что же, хороший адвокат поможет ей даже не изменить, а чуть-чуть подкорректировать показания, и этого хватит, чтобы изобразить совершенно другую картину происшествия...

Ведь что она рассказала? Что резиновую лодку в сотне метров от берега подбросил сильный толчок снизу (даже будто она углядела, внизу, под днищем, что-то большое и непонятное...). Легкая посуда перевернулась и выпавший Валера поплыл почему-то не к лодке, а сторону – но через пару секунд исчез под водой, при этом был мощный бурун и сильный всплеск – и, по ее словам, опять мелькнуло что-то странное...

Черт возьми, да тут не надо даже ничего менять в показаниях, достаточно вставить всего несколько слов: “вроде бы”, “мне показалось”, “как будто”, “было похоже на...” – вставить и делать упор на расстояние и бьющее в глаза солнце...

Да, все правильно, тем и стоит ему заняться, наскоро сделав на озере обещанное Пашке, – найти хорошего адвоката, если надо – привезти из Петрозаводска и объяснить ему самую простую и надежную линию защиты... И папаша, которого, впрочем, по-человечески жалко, может давить на прокуратуру до посинения – там тоже не дураки сидят и, надо думать, понимают, что без тела им даже преступное бездействие вменить Лариске никак не получится...

Вот этим, товарищ Лукин, вы и займитесь. Нечего разводить мистику, тут вам не Шотландия с ее знаменитой Несси, да и та, кстати, за полтора века своей виртуальной жизни ни одной лодки не опрокинула и ни одного рыбака или туриста не сожрала...

4

В оставленном лагере все оказалось в порядке: палатка стояла на своем законном месте и пожитки, иные достаточно ценные, пребывали в ней в полной сохранности: и сложенная надувная лодка, и мотор к ней, и эхолот, и прочие оставленные в спешке вещи – утром, когда стало ясно, что с Пашей *серьезно*, что нитроглицерин из аптечки не поможет – Лукин успел прихватить с собой только видеокамеру.

Закончив ревизию хозяйства, он глянул на часы и лишь сейчас понял, что ничего не ел со вчерашнего вечера. Желудок от такой мысли мгновенно пробудился и безапелляционно потребовал наверстать упущенное. Опустошая торопливо вскрытую банку тушенки, Лукин решил наловить рыбы и сварить на ужин уху – позор рыбаку у озера питаться консервами.

К берегу он подошел, раздвигая телескопический спиннинг – легкую, компактную и изящную снасть, сопровождавшую его во всех разъездах последних лет и позволявшую потешить рыбацкую страсть под самыми разными широтами.

Доставая из коробочки блесну и прикрепляя к леске (обычный, без затей, “Мёппс” с тремя красными точечками на золотистом латунном боку), Лукин подумал, что в озере есть все же какая-то мелкая несуразность. В обычном для здешних мест пейзаже не хватало чего-то совершенно обыденного и привычного, на присутствие чего никогда и не обращаешь внимания, но когда этого нет – легкая, неосознанная неправильность происходящего царапает по восприятию...

Но чего здесь не доставало, Лукин так и не понял.

Блесна почти беззвучно шлепнулась в воду метрах в тридцати от берега и он стал отсчитывать про себя секунды, определяя глубину. Глубина оказалась приличной, около восьми метров; склон холма, на вершине которого они разбили лагерь, и за урезом воды продолжал спускаться так же круто. Лукин начал неторопливую подмотку.

Он не раз ловил на таких озерах – прозрачных, бедных бентосом водоемах – и прекрасно знал, что будет дальше: рыба здесь всегда голодная, через два-три метра проводки последует уверенный удар-толчок по блесне и на берегу закувыркается полосатый красноперый окунь; и почти на каждом забросе хватка будет повторяться (разве что иногда блесну успеет раньше перехватить шустрая щучка) – и через десять-пятнадцать минут у него наберется достаточно рыбы на уху, придется уходить с чувством разочарования, какое он всегда испытывал на слишком рыбных местах...

“Мёппс” прочертил глубину золотистым пропеллером и выскочил из воды, так и не испытывав чьих-либо покушений. Лукин хмыкнул и сделал второй заброс, на меньшей глубине, почти параллельно берегу...

Через час, перепробовав все имевшиеся в наличии приманки, он пришел к неутешительному выводу: рыбы здесь нет.

«Все правильно, у самого берега глубоко, вода холодная... мелочь держится, где потеплее... у того берега или над лудами... а где мальки – там и окунь... надо высмотреть местечко поближе... чайки должны кружить...»

И тут его мысленное рассуждение оборвалось на полуслове. Лукин наконец понял, отсутствие какой детали царапало ему взгляд еще со вчерашнего дня – над озером не кружились чайки.

Ни одна.

5

Он сидел на теплом валуне возле палатки и изучал в бинокль берега и поверхность озера. На берегах интересного было мало.

Левее, километрах в трех, виднелась небольшая деревушка – Лукин знал, что она нежилая, уже лет десять как полностью обезлюдела.

Справа по берегу, на вдвое большем расстоянии, тоже проглядывали сквозь молодой лесок какие-то строения – он не понял, что там такое, и подробная карта местности ничем не помогла. Может, база геологов, или наезжавших порой рыбаков-артельщиков – и скорее всего заброшенная. Ни дымка, ни какого шевеления Лукин не углядел. Он не стал ломать голову, все равно собирался объехать и осмотреть, насколько возможно, берега озера.

На противоположном низком берегу, почти напротив, вода узкой полосой вдавалась в берег – не то бухта, не то начало протоки, тянувшейся несколько километров до втрое большего Пелус-озера.

Чаек он так и не увидел.

Белые комки на воде, в полукилометре от него, оказались стаей лебедей. Лукин сначала удивился, а потом подумал, что в августе в тундре, в их исконных гнездовьях, уже вполне может выпадать снежок – вот и откочевали сюда, в безлюдное местечко, откормиться и отдохнуть перед дальним перелетом, окончательно поставить на крыло молодняк (молодые лебеди выделялись в стае меньшим размером и совсем не лебединой, буро-желто-черной окраской...).

Чаек нет... И рыбы нет... Случайное совпадение? Или и сюда умудрились слить какую-нибудь гадость? Да вроде неоткуда... И кое-какая рыбешка все-таки плавает. Может, неурожайный на малька год? Нерестилища, к примеру, обсохли... чайки подались в другие места, благо озер в округе хватает...

Шум и гогот дружно взлетевших лебедей далеко разнесся над спокойной водной гладью и заставил Лукина встрепенуться.

Лебедь птица большая и могучая, взлет с воды даже одного – зрелище красивое и шумное. Но послышалось и нечто кроме плеска воды и хлопанья мощных крыльев. Нечто, заставившее Лукина снова схватиться за бинокль – звук напоминал чмокание исполинского вантуза или тысячекратно усиленный звук поцелуя – так, наверное, и слышались бедняге Гулливеру поцелуи обитателей страны великанов.

Бурун был слишком большой, такое возмущение воды никак не могли оставить несколько десятков взлетающих птиц. Лукин смотрел на расходящиеся концентрическими кругами волны (высокие, выше, чем оставляет за собой идущая на полном ходу моторка) и пытался понять, *что* он видел в ту краткую долю секунды, когда поднес бинокль к глазам, но они, глаза, еще не успели настроиться на наблюдаемую картину, выглядевшую неясной и размытой.

Лукин мог поклясться, что видел в тот момент исчезающего на дне глубокой водяной воронки лебедя, и... что там мелькнуло еще, он не смог понять, но что-то большое и стремительно погружающееся...

Испуганные лебеди давно улетели и затихли расходящиеся круги волн, а он все сидел на нагретом солнцем камне, безвольно опустив руку с биноклем, и думал.

Лукин думал об Африке.

II. Озеро: Прикладные аспекты криптозоологии

1

Африка...

Странно все в жизни повторяется. Двадцать три года прошло с тех пор, как он, молодой и энергичный спецкор “Комсомолки”, принял участие в той достопамятной экспедиции – времена настали уже новые, и на газетных и журнальных страницах все чаще появлялись статьи об НЛО, снежных людях (пардон, реликтовых гоминидах – так их предписывалось называть) и, наконец, о том, что послужило причиной их экспедиции – о посланцах прошлого, о неизвестно каким чудом доживших до наших дней доисторических гигантах.

О динозаврах...

Но соизволение на статейки – одно, а вот финансирование такой экспедиции Лукина удивило – но не слишком сильно, вокруг хватало вещей действительно поразительных и удивительных.

Мокеле-мбембе они так и не отыскали.

Да и не могли, скорее всего, отыскать. Представлявший в экспедиции местную науку доктор Марселин Ананья, криптозоолог и энтузиаст поисков реликтового бронтозавра, похоже, меньше всего заботился о том, чтобы искомое существо найти, описать, классифицировать и поместить в определенную ячейку наших представлений о животном мире – так, как произошло с обнаруженными уже в двадцатом веке окапи и коммодским драконом, тоже долгое время считавшимися легендой.

Доктора Ананью гораздо больше интересовало превратить чудище озера Теле в аналог знаменитой на весь свет шотландской Несси. Тайна должна остаться тайной, но статья не убогой загадкой глухого уголка Африки, а раскрученной и всемирно известной ТАЙНОЙ, привлекающей поток богатеньких западных энтузиастов.

А он, доктор Ананья, надо думать, виделся себе в роли бессменного хранителя тайны и главного гида для туристов-толстосумов – теплое местечко, что и говорить.

(Впоследствии он вполне преуспел в задуманном, их экспедиция оказалась первой ласточкой, потом тем же путем последовали американец Рой Мейкел и еще несколько весьма богатых любителей загадочного, а еще позже шустрого Ананью вполне доказательно обвинили в подделке записей криков мокеле-мбембе и десятиминутного фильма отвратного качества, демонстрирующего наконец миру конголезского монстра – но ему (не монстру, а доктору) удалось тогда как-то отвертеться и продолжить свою подвижническую деятельность...)

Правительство Конго тоже было заинтересовано в поисках, а не в находке и вполне отчетливо понимало, какой неиссякающий поток долларов способна принести африканская Несси; район Теле и рек Батанги и Ликалы уже планировали превратить в заповедник для охраны уникального гиганта (с развитой туристической инфраструктурой, разумеется).

Но и наших больших людей, принимавших решение об отправке экспедиции, вдохновляла не поимка и доставка в Московский зоопарк живого ископаемого. Цель, как догадался потом Лукин, состояла в другом: здешнее правительство все больше сбивалось с ленинского курса и шли интенсивные контакты и поиски региональных лидеров, способных страну на правильный курс вернуть. Не случайно серьезных биологов в экспедиции было раз, два и обчелся – а в основном деятели загадочной науки с загадочным названием “африканистика”. И скрываться под таким названием могло все что угодно...

2

Лгал ли Лукин тогда в своих репортажах? Да нет, не лгал... Хотя и понял довольно быстро, что все происходящее вокруг представляет собой удивительный сплав самых различных интересов, не имеющих отношения к таинственному гиганту: помимо стремлений заполучить многолетнюю жирную кормушку в дело вступило и извечное желание жителей местной глубинки задурить голову доверчивому и простоватому “белому мбване”, ничего не понимающему в жизни джунглей. В этом они, по мнению Лукина, ничем не отличались от аборигенов родных берез и сосен, тоже любящих с серьезным лицом выдать “городским” затейливо украшенную подробностями фантастическую историю...

Но Африка вокруг была настоящая, полная разных загадок. И пусть показанная аборигенами “тропа мокеле-мбембе”, соединяющая Батангу с безымянным озерцом – широкий путь в зарослях, утоптаный кем-то весьма массивным, – оказался на деле тропой вполне обыденных (для Африки, конечно) гиппопотамов; и пусть кошмарный рев, доносящийся по ночам из джунглей, принадлежал отнюдь не мокеле-мбембе, как утверждал Ананья, а голосистой птице размером с обычную курицу; но не о том, совсем не о том писал Игорь Лукин в серии своих корреспонденций – он старался, как мог, довести до читателя именно *ощущение*, которое возникает, когда выходишь на ту загадочную тропу или слышишь ночные звуки джунглей – ощущение того, что невиданное и чудесное *рядом*, что оно таится за поворотом тропы или на дне заросшего заливчика, и ему, неведомому, нет никакого дела до людских интриг и суеты – оно есть и этого достаточно...

В редакцию тогда мешками приходили письма от граждан, *уверовавших* в мокеле-мбембе после Игоревых писаний. Нельзя сказать, что он обрадовался такому результату. И в вышедшей спустя три года книге “По следу мокеле-мбембе”, объединившей в переработанном виде его экспедиционные отчеты, Лукин постарался, вопреки названию, сократить всю мифическую и ненаучную составляющую, все байки чернокожих Мюнхгаузенов – и дать как можно больше *настоящей* Африки, в которую он без шуток влюбился за годы, проведенные на Черном континенте.

3

Говорят, все трагедии повторяются в виде фарса.

Может оно и так, но сейчас конголезская эпопея, превращенная в фарс стараниями доктора Ананьи, повторялась с Лукиным в трагичном виде.

Трагедия звучала в голосе Пашки, разбудившего его неделю назад ночным звонком, трагедия случилась с Лариской, попавшей в какую-то дикую и невообразимую историю и оказавшейся в СИЗО с воровками и мошенницами. Да и у родителей исчезнувшего Валеры, что там о них Паша не говорит, трагедия тоже не шуточная.

А с Лукиным все повторялось теперь в каком-то зеркально-перевернутом виде.

Вместо удушливо-жарких джунглей – неброская природа русского севера; вместо многолюдной экспедиции – одиночество, теперь, после утреннего происшествия с Пашкой, совсем полное. И, если уж сравнивать до конца, то вместо двадцати девяти лет, полных сил и энтузиазма – пятьдесят два года, поубавившие пыла и добавившие цинизма, скепсиса и проблем со здоровьем.

Неизменным осталось одно – озеро, в глубинах которого жило НЕЧТО.

Мысль о том, что НЕЧТО вполне могло водиться только в глубине его мозга, взбудораженного историей с Лариской и измотанного событиями сегодняшнего дня, с раннего утра понесшимися вскачь, – такую мысль Лукин старательно отгонял.

... За несколько секунд до того, как провалиться в бездонную яму сна, Лукин понял, чего еще, давно привычного для таких мест, ему не хватало последние два дня. Вокруг совершенно не гудели комары, еще один плюс нынешнего рекордно жаркого лета, иссушившего все комариные инкубаторы – окрестные болотца и паточкины.

Ну и славно, значит и завтра утром их не будет, когда он накачает лодку, возьмет эхолот, и...

4

Эхолот предназначался для избалованных и ленивых западных рыбаков.

Встроенный процессор преобразовывал малопонятные для глаза непосвященных картинки в красивые и аккуратные фигурки рыбок, разных цветов и размеров; но рыба Лукина не интересовала и он отключил преобразователь, всматриваясь в сплетение линий на экране.

А потом прибор зашкалило, экран вспыхнул густеющим желтым пятном – если бы лодка неслась на полной скорости, Лукин подумал бы, что под ним подводный холм-луда... Но суденышко шло на самом малом ходу и так быстро повышаться дно никак не могло. Заглушив на всякий случай мотор, он возился с ручками забарахлившего прибора, когда вода в паре метров слева по борту совершенно беззвучно раздалась...

Над поверхностью показался предмет, больше всего напоминающий ствол вековой неохватной сосны – вырвавшийся из цепких объятий донного ила и всплывший в вертикальном положении.

Но то оказался никакой не ствол, сверху его венчала не крона, не комель и не ровный круг спила – над Лукиным, на высоте двухэтажного дома, нависла огромная сплюснутая голова. Ни глаз, ни ноздрей, ни других органов на чудовищной голове не видно, лишь пасть – медленно раскрывшаяся громадная пасть. Начиналась она прямо от толстенной шеи-ствола. Зубы, растущие в несколько рядов, до самой глотки, казались малы в сравнении с размером твари, но мелкость была относительной – каждый клык с хорошим охотничий кинжал величиной...

Он не забился в истерику от нереальности происходящего, заходясь истошным воплем ужаса – он много лет искал *это* и был внутренне готов к встрече...

Когда шея стала изгибаться гигантской пародией на лебедя и кошмарная пасть слепо нацелилась на Лукина, он схватился за Пашину двустволку. Но вместо нее в лодке лежал старый АК-47...

Автомат не взорвался лающей очередью – Лукин с трудом разжал судорожно давящий на спуск палец, коротко бросил взгляд на медленно опускающуюся пасть твари и передернул затвор, досылая патрон – затвор возвращался на место тоже медленно, словно неохотно...

И опять выстрелы не разорвали тишину раннего утра – раздалось полушипение-полухлопок, из ствола вырвалось сизое облачко дыма и пуля, Лукин прекрасно видел ее полет, она, медленно снижаясь, пролетела два метра и бессильно скатилась в воду, слабо ударившись о морщинистую кожу чудовища. Патроны отсырели, понял Лукин, за двадцать три года патроны совсем отсырели...

В этот момент пасть вцепилась, но не в Лукина, а к корму лодки, моментом располованная резина издала свистящий выдох, мотор хрустнул, как спичка в пальцах, внутрь тут же хлынула холодная вода, немедленно скрутившая ледяной судорогой ноги Лукина.

А чудовище меланхолично жевало лодку, все ближе подбираясь к нему мерно движущимися рядами зубов-кинжалов...

5

Он вынырнул из сна резко, одним рывком, как выныривает на поверхность ныряльщик, легкие которого горят от недостатка кислорода.

Перед глазами еще стояла усеянная клыками пасть, а ноги жгло хлынувшей через разорванный борт ледяной водой.

Лукин помотал головой, стряхивая остатки кошмара, но холод в ногах никуда не делся, ноги на самом деле сильно замерзли – сам виноват, вчерашним теплым вечером показалось, что лечь в спальном мешке будет жарко и он заснул, накрывшись легким одеялом.

Он выскочил из палатки в рассветный туман, торопливо разжег костер, повесил над огнем набранный с вечера котелок и только потом бросил взгляд на озеро. Его тоже покрывал туман, еще более густой, чем здесь, на вершине холма, и вода из-под белых клубов не виднелась. Теперь озеро не казалось мирным и безобидным, как недавно, под лучами закатного солнца – в липком белом месиве могло скрываться что угодно.

И кто угодно.

А может, туман был как туман, но продолжал давить на психику дурацкий ночной кошмар...

«Нет, на резиновой калоше я с эхолотом не поплыву, – решил про себя Лукин, – тем более в одиночку... Пусть это глупо, но я не могу плыть, ожидая каждую секунду, что вода у борта раздастся, и... Этак можно инфаркт заработать, совсем как у Пашки... вот только нет больше никого, кто бы мог устроить гонку на выживание в сторону больницы. Вообще ничего не стоит делать, а стоит посидеть и подумать, что я такое мог вчера увидеть. Или что мне могло померещиться...»

И он стал думать.

6

«Итак, что мы имеем? Немного: человек исчез (утонул?) на глазах у другого, видевшего при этом непонятный объект, предположительно органического происхождения.

Факт второй: еще один человек спустя неделю видел нечто похожее, видел нечетко, на грани восприятия. Причем независимым данное наблюдение назвать нельзя – это то, что именуется коррелированным наблюдением: информация о том, что якобы видел первый свидетель, вполне могла настроить подсознание на то, чтобы углядеть нечто подобное...

Стало быть, явление может иметь либо объективную, либо субъективную природу.

Но внушаемостью я никогда не страдал и, кроме того, бывал в похожих ситуациях не раз. Но никогда взбудораженное воображение не рисовало мне шею ящера на месте торчащей из воды коряги... Никогда... Но ведь все когда-то случается впервые...

Хорошо, примем с наибольшей долей вероятности, что *нечто* там было, нечто совершенно независимое от сознания. Но ведь тут вполне может оказаться и не живое существо, а неодушевленный объект... или достаточно редкое явление природы...»

Котелок закипел. Лукин отлил часть кипятка в кружку, бросил туда пакетик растворимого кофе, опустил в котелок брикет концентрата и снова задумался.

Про такие явления природы он в досталь наслушался на семинарах и конференциях, куда его наперебой стали приглашать после африканской экспедиции и выхода книги...

Там обязательно присутствовали несколько ученых мужей, обремененных степенями и защищающих интересы позитивистской науки от метафизических поползновений... Многие их изящные теоретические построения вполне применимы к случаю с Валерой.

Например: в донном иле гниет бревно-топляк, гниет долго, десятилетиями, внутри все сгнило в труху и наполнилось газами – продуктами разложения древесины, снаружи все поры и трещинки коры тоже облеплены пузырьками, как облеплен ими кусочек плавающего в шампанском шоколада. . . И вот в один непредсказуемый момент подъемная сила газов разрывает вязкие объятия ила и бревно торчком, с шумом и плеском выскакивает на поверхность. . . и опрокидывает чисто случайно оказавшуюся над ним лодку. . . и бьет по голове невезучего Валеру. . . после чего газы выходят, полость заполняется водой и топляк мирно возвращается на дно – догнывать.

Красивая версия.

Одна беда – чисто кабинетная, придуманная человеком, в жизни не видевшим, как гниют на дне топляки: кора сгнивает и отлетает первой, а древесина уплотняется, становится тяжелее воды и никаких полостей в ней не появляется.

Автор идеи наверняка видел старые упавшие стволы лишь в *лесу* – снаружи кажущаяся крепкой кора, а внутри сплошная труха.

Или вот еще одна придумка: большая каверна, придонная полость, заполненная опять же газом. Рано или поздно купол каверны разрушается и громадный пузырь вырывается на поверхность. . . Такой пузырь может опрокинуть легкую лодку, а образовавшийся, когда вода хлынет на место вышедшего в атмосферу газа, водоворот вполне способен затянуть лебедя. . . Или человека.

В такой версии видимых изъянов нет, геологи подтверждают: да, донные каверны явление не уникальное. Но, но, но. . . Подобный нарыв зреет на дне долгие сотни лет, и много их на одном участке дна быть никак не может. Лопнувшей каверной можно объяснить явление *однократное*, если же феномен наблюдается достаточно часто – надо искать другую разгадку. . .

7

Концентрат напитался кипятком, разбух и превратился в малоаппетитное блюдо быстрого приготовления. Лукин уныло хлебал получившееся варево (в рекламных роликах оно казалось вкуснее) и вспоминал, как просто и до обидного банально раскрылась загадка озера Кок-коль, много веков знаменитого своим “айдахаром” – в переводе “гигантским змеем”.

Кто только не наблюдал айдахара – и неграмотные кочевники, и высоколобые деятели науки, а разгадал тайну в восемьдесят четвертом году второкурсник биофака Гриша Сегодеев, энтузиаст, прошедший по большому конкурсу на место подсобного рабочего в очередную экспедицию за неведомым.

Айдахар из воды показываться не любил, а имел обыкновение плавать у самой поверхности, возмущая ее извивами громадного двадцатиметрового тела. Иногда, если наблюдатель находился достаточно близко, он мог смутно увидеть сквозь толщу воды и самого загадочного реликта.

Запротоколировав и даже зафиксировав на пленку четыре встречи с айдахаром, участники экспедиции с жаром обсуждали природу загадочного существа: гигантский угорь? водяной уж-переросток? невесть как очутившаяся здесь анаконда? существо, вообще науке не ведомое?

А Гриша выступил с оппортунистической и выпадавшей из общего настроения версией. Это просто необычные возмущения атмосферы, утверждал Гриша. Сильно сужающееся к выходу ущелье, соединяющее котловину озера с Каракыстакской долиной, служит генератором сложно закрученных потоков воздуха, создающих интересные эффекты на водной глади, а смутно видимое порой существо – игра воображения и преломляемых взбаламученной водой солнечных лучей. . .

Гришу (которому полагалось скромно помалкивать в споре корифеев криптозоологии) подняли на смех. Но он оказался упрямым пареньком – отшагал десять километров туда и десять обратно, купил в ближайшем поселке на свои деньги несколько дымовых шашек, предназначенных для окуривания плодовых деревьев. И потребовал проведения эксперимента в день, по его мнению подходящий по погодным условиям...

Опыт чуть не закончился провалом: вонючий буро-зеленоватый дым стелился над берегом и разносился ветром, но ничего необычного в поведении воздушных потоков не было; Гриша не сдавался и зажигал шашки все в новых местах берега. И наконец, на предпоследней шашке, они увидели: дым словно уплотнился вертикальным клубком, завертелся, превратился в миниатюрный смерчик и сложным зигзагом двинулся над озером, постепенно набирая силу... Через пару сотен метров на поверхности появился характерный след айдахара, в точности повторяющий путь смерчика...

Тайна раскрылась, но лавров победителя Гриша не пожал – наоборот, в оставшиеся дни и на обратной дороге все его как-то сторонились, испытывая непонятное чувство неловкости.

Как бы сейчас хотелось Лукину, чтобы рядом был Гриша Сегодеев – мрачный, спокойный и не склонный к рефлексии... Но Гриша получил распределение в знаменитый Сухумский питомник, работал с обезьянами и спустя семь лет (когда и от Сухуми и от питомника мало что уже оставалось) погиб в бою под городом Гудаутой.

8

«Все это интересно, но совершенно не в тему... Ладно, товарищ Лукин, давайте на сем явления неодушевленной природы отодвинем в сторону и займемся привычным делом – попробуем вычислить, что за зверюшка могла тут завестись...»

Мысли его прервал мощнейший всплеск, показавшийся в утреннем безмолвии оглушающим. Лукин вскочил, расплескав недопитый кофе, и уставился на озеро.

С прибрежных холмов туман уже унесло утренним ветерком, но поверхность скрывалась под рваными белыми клочьями. Он ничего не смог разглядеть, сколько ни вглядывался.

На секунду захотелось бросить все к чертям, вернуться в Пудож, написать заявление куда следует – и пусть они разбираются, какая такая чертовщина поселилась у них под боком... Но никто и ни в чем разбираться не будет, и так все ясно: старый приятель отца обвиняемой сочинил чистой воды байки в ее защиту... Тем более что много лет зарабатывал на жизнь именно такими сказочками.

Он постоял, глубоко и размеренно дыша, дожидаясь, когда утихнет всплеск адреналина в крови.

Сколько раз он со снисходительностью матерого экспедиционного волка объяснял перепуганным новичкам после таких вот звуков, что вода имеет обыкновение подмывать корни прибрежных деревьев; и они, деревья, довольно часто падают с оглушающим шлепком – так что не стоит впадать в мандраж и принимать каждый всплеск за плюханье неизвестного чудища...

Все так, только вот берега залива абсолютно безлесы, а звук от спускающихся к воде в паре километров отсюда елей, упави вдруг одна из них, ну никак не мог быть таким громким.

«Щука, – подумал он неуверенно, – здоровенная пудовая рыбина... Обычно такие крупные у поверхности за мальком не плещут, охотятся на крупную рыбу и на изрядной глубине... Но эта выбросилась зачем-то из воды и шлепнулась обратно... А звуки в тумане на редкость странно разносятся...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.